

ВИКТОРИЯ ГРАЧЁВА
ЖИЛИ-БЫЛИ

Книга стихов

Оглавление

Олег Гиндин. Слово друга	7
О себе	9

НЕМНОГО ОБО ВСЁМ

Посвящение Татьяне	10
О человечности	10
Я и ты	10
Небо	11
Дождя серебряные нити	11
Зима сковала хрусталём	11
Осень землю накрывает	11
Новый день	12
Прощальный тёплый летний день	12
В твоей руке моя рука	13
Благословенье тёплых дней	13
Моя безбрежная печаль	13
Может быть, когда-нибудь — не знаю	13
Нас убивает тихо безразличие	14
Что наша жизнь?	14

СТИХИ, СТАВШИЕ ПЕСНЯМИ

Баллада о вечном	15
Всё сначала	15
Прощай	16
Романс	16
Солистка	17

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Бегемотик	18
В лесу	19
Дорогами любви	20
За добро добром	21
Колдунья	22
Королева-лягушка	24
Курятник	25
Лесная быль	25
Мадемуазель	28
Маленькая мышка	29
Мышь и закон	29
О козе	30
О крокодиловых слезах	31
О поросятах и не только	32
Приглашение на ужин	34
Про мишку	35
Рождественская сказка	36
Сила слова	38
Сказка о непослушном бельчонке	39
Сказка о несчастной девушке	40
Сказка о скупом гноме	42
Сказка об очень бедной лисе	43
Сказка про зайцев	44
Страшный сон	47

Слово друга

Я — пианист, по второму высшему образованию — дирижёр симфонических и эстрадных оркестров, музыкальный аранжировщик, композитор и ещё вокалист (первое высшее — техническое).

С Викторией знаком более десяти лет, и наши отношения, которые начинались как романтические, со временем переросли в дружеские, почти семейные, если учесть: воспитание её дочери Насти, которой на тот момент было всего двенадцать, во многом лежало на моих плечах.

Мы вместе много раз выезжали в город Ейск погреться в водах Азовского моря, а потом ребёнок заинтересовался моей профессиональной работой, особенно той её частью, которая относилась к светооформлению наших концертных программ, что привело нас к мысли о получении ею профессии в области светорежиссуры.

Это, в свою очередь, повлекло за собой наши с ней занятия точными науками и английским языком. В настоящее время, а ей двадцать два года, она — востребованный специалист в театре Геликон Опера...

Я знал: Вика когда-то пошла в медицину, принесла в жертву поступление в Литературный институт, к которому серьёзно готовилась. И то, что она уже двадцать девять лет в хирургии, в этом тоже есть некий высший смысл.

В какой-то момент у меня возникла подагра. Вы даже не представляете, что это означает для пианиста. Мои пальцы бегали по клавишам только благодаря специальному массажу, который она делала.

А пять лет назад она настояла, чтобы я обследовался в урологии нашей зеленоградской больницы, где она работает. Оказалось, что у меня онкология. Она добилось с помощью друзей, чтобы мы получили направление в 62-ю больницу под Красногорском, а потом после двенадцатичасовой операции приводила в порядок огромный полостной шов. Никакого поэтического творчества, только профессиональный медицинский уход.

И вот однажды мой приятель попросил написать текстовое сопровождение для его работ в фотоальбоме «Москва — Пекин», кстати, для МИДа.

Я предложил, чтобы это сделала Вика, а она оформила эти фотографии стихами. И началось...

Она написала «Романс», я создал музыку и аранжировку, заставил её петь в студии Валерия Волкова.

Наш друг Андрей Шер снял небольшое кино.

Потом мы с ней создали ещё несколько работ, которые спел я. Она из них называется «Прощай».

Недавно я отправил эту работу дочери в Италию (она владеет пятью языками и является популярной певицей на Сардинии).

Диана перевела Викины стихи на итальянский и договорилась с Диодато (победителем «Сан Рэмо-2020») о совместном исполнении этой песни. Будем ждать, когда это произойдёт...

И, конечно, серьёзные работы Виктории — её «Взрослые сказки для детей и детские сказки для взрослых». Сколько же в них доброты и юмора...

Однажды мои друзья спросили, послушав её стихи, когда она это делает? Она сказала, что в перерывах между операциями. Вот такое вот «хирургическо-поэтическое» творчество...

Олег Гиндин

О себе

Я родилась в Москве и моё детство было как у многих счастливых советских ребят: лето в деревне, а в последних числах августа — обратно в город, готовиться к школе. Любовь к литературе мне привила моя мама. Самые ранние детские воспоминания — чудесные тихие вечера и мамины сказки, которых она знала просто невероятное количество. Бледный свет ночника, мамин нежный голос..., Всё, казалось, оживало у меня перед глазами, и вот я уже сама в центре увлекательных событий. А сколько мама знала наизусть стихов и басен! Книги стали для меня неотъемлемой частью жизни и самыми лучшими друзьями. Так что потом, в школе, мне даже частенько попадало от родителей за ночные чтения с фонариком под одеялом. В школе мне очень повезло с учительницей по русскому языку и литературе — Ганной Семёновной Лосьевой, сейчас, наверное, уже нет таких преподавателей. Она жила своей работой, и остаться равнодушным к литературе после её уроков — просто невозможно. Так хотелось быть на неё хоть капельку похожей, что я даже делала себе такую же причёску: сворачивала из длинных волос пучок... После окончания школы я всё-таки выбрала профессию, не связанную с литературой. По складу характера мне всегда хотелось помогать людям, поэтому выбор медицины был вполне логичным. И вот уже 29 лет я работаю операционной сестрой в больнице и ни разу не пожалела о своём решении. Но любовь к литературе от этого не стала меньше. За всю жизнь накопилось в душе столько всего, что рано или поздно это просто должно было выплеснуться наружу. А когда моя дочка пошла в школу, я опять вернулась в тот мир, который был мне когда-то бесконечно дорог. И наконец нашла себя. Да, иногда бывает так, что почти целая жизнь уходит, прежде чем начинаешь понимать, чего тебе действительно не хватало, чтобы почувствовать себя по-настоящему счастливым человеком. Этим «чем-то» стала для меня поэзия. И я очень хочу поделиться тем, что меня сегодня переполняет. Пусть это будет звучать и не очень профессионально, зато от всей души...

НЕМНОГО ОБО ВСЁМ

Посвящение Татьяне

*Здесенковой
Татьяне Дмитриевне*

Прощались под рыдания баяна,
Что где-то за околицей играл.
Ты только верь и жди, прошу,
Татьяна,
Её обняв, чуть слышно прошептал.
И долго-долго вслед ему смотрела
И будет помнить до последних дней,
Себя казнить, что так и не сумела
Ему сказать, что нет его родней.
Всё будет ждать до старости и верить:
Вот-вот сейчас в окошке промелькнёт
И скрипнут тихо, как и раньше,
двери,

«Встречай, Татьяна!» —
скажет и войдёт.
Цветов у безымянной нет могилы,
С землёй сравнялся холмик,
не найдёшь,

Но нет такой на белом свете силы
Заставить позабыть, кого ты ждёшь.
Прощались под рыдания баяна,
Что где-то за околицей играл.
Он не погиб в войне той для Татьяны,
Ведь он вернуться слово своё дал.

О человечности

У двери седая кошка,
Прожила свой долгий век.
Не спеши, побудь немножко,
Будь с ней ласков, человек!

Взгляд уставший, тельце хило,
Голодала, ела снег,
Но покушать не просила,
Будь же добрым человек!
Шёрстка грязная, клоками,
Не отмыть её вовек,
Лапа порвана клыками —
Сжался, добрый человек!
Без породы, некрасивость,
В дом не пустят на ночлег.
Больше к людям не просилась,
Знает: гонит человек.
У двери седая кошка,
Доживёт свой скоро век.
Ей хотелось так немножко,
Только б рядом человек!
Как жилось и как страдалось —
Многим не понять вовек.
Если что в душе осталось
Вспомни: ты же ЧЕЛОВЕК!

Я и ты

Небо голубое,
Улица, цветы,
Мы идём с тобою —
Только я и ты
Солнце посылает
Нам свои лучи,
Счастье, что бывает,
Сердце так стучит!
Ветер развеивает
Волосы вразлёт
Разве так бывает?
Вдруг и повезёт.

Встретились глазами —
И уже весна,
Туча со слезами
От ночного сна
Растеряла капель
Свежих водопад,
Липнет к телу платье,
Чей-то смелый взгляд...
Зонт над головою:
«Можно?» — Тихо: «Да...» —
Мы теперь с тобою
Раз и навсегда
Небеса венчали
Ливневым дождём
Счастье повстречали,
Что с надеждой ждём.
Небо голубое,
Улица, цветы,
Мы идём с тобою —
Только я и ты.

Небо...

Небо. Солнце. Лёгкий ветер
Расшалился в облаках.
Он, наверно, счастье встретил
И принёс в своих руках.
Расплескалось по дороге
Счастье, радугой сверкнув,
В том сияющем чертоге,
Словно крыльями взмахнув.
Полились на землю слёзы
Долгожданные любви,
Бриллиантовые звёзды,
Разноцветные огни
Напоили щедро недра,
Возрождая на года
Моё счастье — чуть не смело
И любовь, что навсегда.

Дождя серебряные нити
Из робкой тучки над Москвой
Нет, не с печалью и тоской,
А с обновлением примите.
Хрустальных брызг чуть слышен звон
И капель, в лужах утонувших,
Деревьев шелест, здесь заснувших,
С дождём шептавших в унисон.
И пёстрых зонтиков парад
В толпе, куда-то всё бегущей,
Несмелый лучик из-за тучи
Вдруг осветил, лаская взгляд.

Зима сковала хрусталём...

Сверкает тонкое стекло
В нём облака горят огнём,
Храня обманчиво тепло.
Чуть плещет подо льдом река
Лениво, больше не спеша,
Черна вода и глубока
Вздыхает сонно, чуть дыша.
Разбито хрупкое стекло,
Местами речку разлил.
В плену ей тесно и темно,
А так мечтается в разлив!
Пусть и поспать, но без оков
Спокойным, безмятежным сном
Под вереницей облаков,
Сверкая в солнце серебром...

Осень землю накрывает,
Золотым обняв ковром,
Всё кружится и летает
В ярком вихре заводном.

Разноцветных красок россыпь,
Тихий шорох там и тут,
Что-то тихо ветер просит,
Прошептав мне на лету.
Губ коснувшись, шаловливо
По деревьям пробежал
И умчался вдаль, счастливый,
Листья в воздухе кружа.
Но, уставший, где-то стихнет,
Опустившись чуть дыша
И пролётся дивным ливнем
Напоследок, не спеша.
Осень землю накрывает,
Золотым обняв ковром
И тихонько засыпает,
Успокоившись потом.

Новый день —
Сумрак прочь!
Полдень — тень
Нитью — в ночь.
Солнца луч
Как стрелой,
Из-за туч
Со слезой.
Хоть бы каплю тепла,
На душе тонкий лёд
А была так светла
И надеялась всё.
В ожидании дней,
Что подарят тепло,
Всё темней и темней
За оконным стеклом.
А ведь так их ждала,
Чтобы душу согреть,
Что с зарёй ожила —
Птицей в небо взлететь,

Раствориться и петь,
«Я жива!» — прокричать,
И на мир посмотреть
От начала начал.
Тонкой нити судьба,
Чуть дрожит, как струна,
И уже с губ мольба
Вместо песен одна.
Стон земли оглушил,
Птицей сбитой лечу
И от боли нет сил,
От бессилья кричу.
Лёд расколот,
Вся в кровь
Жуткий холод
Здесь вновь
Не согреться,
Нет сил
Больно сердцу
В крови.
Полдень — тень
Вера — прочь.
Гаснет день
Нитью в ночь.

Прощальный тёплый летний день.
Уходит лето прочь, в изгнание,
В лесах — задумчивая тень
Таится в грустном ожидании.
Слетает первый жёлтый лист,
Всё ниже проплывают тучи,
В ветвях невидимый солист
Уже мотив осенний учит...
В полях — последние цветы,
И запах сена чуть дурманит,
И растворяются мечты
С прохладой вечера в тумане.

В твоей руке моя рука
Лежит свободно, безмятежно,
Ты говоришь мне что-то нежно,
Её сжимая так, слегка.
Дурманит пьяный аромат
Сирени белой под окошком,
Ночь холодит уже немножко,
Скользя туманом вдоль оград.
Не уходи — так тихо слышу,
Минуты, дни, как мало их
И шепчет ночь для нас двоих
Посланье с ветром чьё-то свыше.
Два силуэта в темноте
Под бледно-нежным лунным светом
Благословенны звёздным летом
В своей безгрешной красоте.

Благословенье тёплых дней.
Капель ручьём по мокрой крыше,
И с каждым днём ещё светлей,
И птицы к солнцу выше, выше...
Уж не искрится талый снег,
Как раньше, россыпью хрустальной,
Зима уходит на ночлег
С последней вьюгою прощальной.
Сверкают в небе облака
Как лёгкий пух, в лучах купаясь,
И просыпается река
Волной на берег рассыпаясь.
Лес пробудился ото сна,
Прохладной влагою умывшись,
И лёгкой поступью весна
Идёт, на землю возвратившись.

Моя безбрежная печаль
Сковала холодом разлуки,
Не обжигают больше руки,
Что прикасались невзначай.
И ускользает тихо тень,
В ночи растаяв незаметно.
С грехом уходит неприметно
Последний взгляд, прощальный день.
Чуть влажных губ остывший жар,
Лишь только грусть воспоминаний.
Ещё горит огонь желаний,
Любви негаснувший пожар.
И догорит в ночи свеча,
Мираж несбывшейся надежды.
Я буду жить тобой как прежде,
Моя любовь, моя печаль...

Может быть, когда-нибудь — не знаю,
Я вернусь на эту землю снова.
Иногда я что-то вспоминаю,
Что душа напомнить мне готова.
Что-то очень давнее, родное,
За годами канувшее в вечность,
Что-то очень нужное, земное,
Лёгкое, как в юности беспечность.
Может быть, ходила здесь и раньше,
Сотни лет назад, любуюсь небом,
И в мечтах летела дальше, дальше...
Где ещё никто за гранью не был.
Иногда я что-то вспоминаю,
Что душа напомнить мне готова.
И в мечтах, как раньше, улетаю,
Сквозь века сюда вернувшись снова.

Нас убивает тихо безразличие,
 В мельканье дней —
 ненужные общения.

Вопросы: «Как дела?» —
 так, для приличия,
 Слова пустые, глупость без смущения.

Куда-то всё спешим, не успеваем,
 От жизни взять побольше —
 вот удача!

Людьми быть почему-то забываем,
 Решая всё по-своему, иначе.

Чего-то ищем тщетно, без ответа,
 Кого-то ждём, почти лишаясь сил.
 Мы смотрим вдаль,
 уже не видим света,

Уходим не поняв, что был — не жил.
 Судьбы своей перечеркнув страницы,
 Себя богами жизни возомнив,
 По обстоятельствам меняем
 быстро лица,

Удачу за собою поманив.
 А вечером, закрыв все в доме двери,
 Уродливые маски скинув вниз,
 В свою непогрешимость свято верим,

Для совести придумав компромисс.
 Нас убивает тихо безразличие,
 Нам дела нет до чьей-то жизни, боли,

Но соблюдаем правила приличия,
 Те, что себе согласны мы позволить.

Медведики и зайчики,
 Машинки и солдатики,
 Девочки и мальчики —
 Ясельки и садики.
 Планшеты и мобильники,
 На карточках наличные,
 Сашими в холодильнике —
 Школьники столичные.
 Спортзалы, клубы, сессии
 И пиво, энергетики,
 Свидания, депрессии —
 Студенческая этика.
 Работа, дом, стагнация,
 Семья, стабильность, может быть,
 Жизнь, зрелость, кульминация,
 Ещё чуть-чуть — и прожито...
 Аптека, поликлиника,
 Дом отдыха, как сложится,
 Давление заклинило,
 Проблемы только множатся.
 Часы спешат, безвременье,
 Медведики и зайчики.
 Что наша жизнь? Мгновение,
 И девочки и мальчики.

Не безволие, нет,
И душа не дотла.
За надеждою вслед
Лёгким взмахом крыла.

За окном моим дождь
И немножечко грусть
Всё сначала? Ну что ж,
Я попробую. Пусть...

Прощай

Я забываю тебя,
Всё, что прожили, то в прошлом.
Я ухожу за стеною дождя, не любя,
Всё окажется ложью.
Было немало причин,
Поздно, вернуть не старайся.
Я ухожу, не зови, не кричи, помолчи
И понять попытайся.

А дождь идёт и плачет,
Смывает все надежды.
Я не могу иначе
И не хочу, как прежде.
Скрывает дождь тревоги,
Забуть пообещай.
Размытые дороги, пустые диалоги,
печальные итоги,

Прощай, прощай, прощай.

Я никогда не вернусь,
Вспомню когда-нибудь только.
Кажется, завтра счастливой проснусь,
оглянусь,

Не жалея нисколько.
Разные дальше пути,
Пусть никого не осудим,
Просто позволь мне спокойно уйти,
отпусти,
Всё плохое забудем.

А дождь идёт и плачет,
Смывает все надежды.
Я не могу иначе
И не хочу, как прежде.
Скрывает дождь тревоги,
Забуть пообещай.
Размытые дороги, пустые диалоги,
печальные итоги,
Прощай, прощай, прощай.

И этот день закончится, поверь.
Ты всё увидишь скоро по-иному,
Пусть не теперь,
Но завтра по-другому,
Сегодня — просто закрывая дверь.

А дождь идёт и плачет,
Смывает все надежды.
Я не могу иначе
И не хочу, как прежде.
Скрывает дождь тревоги,
Забуть пообещай.
Размытые дороги, пустые диалоги,
печальные итоги —
Прощай, прощай, прощай.

Романс

Из памяти стираются черты
И чьи-то исчезающие лица,
Дают мне ощущение пустоты
Истории забытые страницы.
Друзей ушедших образ не вернуть,
Он всё бледнее в дымке из тумана
Смотрю я в зеркало,
пытаюсь обмануть
Себя, не находящую изъяна.

Поблекли краски, тусклые черты,
Их жизнь стирает молча, равнодушно

Но кажется, что всё это не ты
И время будет ждать всегда послушно.

Душа всё та же, только чуть сильнее
И глубже кровото́чащие раны,
И с каждым годом, кажется, видней
Следы грехов —
души больной изъяны.

Из памяти стираются черты
В прах рассыпаются
забытые страницы,
И, кажется, что это уже ты
Из дымки смотришь,
ищешь чьи-то лица.

Забытое — пора успеть вернуть,
Всё то, что бредило больно рану
Найти себя счастливой и уснуть,
Проснувшись,
продолжать идти упрямо.

Всё заново иначе пережить,
Чтоб набело переписать страницы
И постараться научиться жить,
Исправив то, чему дала случиться.

По-новому на мир вокруг взглянуть,
Увидеть небо, звёзды, улыбнуться.
Простить себя и, продолжая путь,
Оставив всё, назад не оглянуться...

Солистка

*Памяти
Екатерины Максимовой*

На старой сцене, бабочкой вспорхнув
И, наклонившись в реверансе низко,
Слегка руками тонкими взмахнув,

Склонилась к публике — почти дитя —
солистка.

Фигурка словно в воздухе парит,
И соткана из нежных лунных нитей.
Она танцует там, где дух царит
Тех, что когда-то были знамениты.

Наследия приняв бесценный дар,
Незримо получив благословенье,
Она кружится среди юных пар
В души порыве — до самозабвенья.

И зрители, дыханье затаив,
Среди оваций смотрят восхищённо
На ту, что за собою поманив,
Уводит в сказку тропкой потаённой.

Конец спектакля. Все давно ушли,
Погасли, не горят уже софиты,
И только хрупкая фигурка не спешит
Уйти домой со сцены знаменитой.

Сняла пуанты, тихо простонав,
До крови ноги стёрты, до мозолей.
Она порхала, всю себя отдав,
Жила полётом, разве ей до боли?

Чуть-чуть себя позволит пожалеть,
А завтра — день наступит, всё забудет,
Чтоб снова в вихре музыки лететь,
Пока душа свободной птицей будет.

На старой сцене, бабочкой вспорхнув
И, наклонившись в реверансе низко,
Слегка руками тонкими взмахнув,
Склонилась к публике — почти дитя —
солистка.

Сказки для детей и взрослых

Бегемотик

На зелёном острове далёком,
Посреди прозрачно-синих вод,
Жил под старой пальмой одиноко
Розовый печальный бегемот.
Спал на перламутровых листочках
Необычной бархатной травы,
Бабочек в костюмчиках цветочных
По утрам ловить всегда привык.
А потом сидел, и фрукты кушал,
И мечтал, считая облака.
Вдаль смотрел, вздыхая,

волны слушал,

Словно что-то ждал издалека.
И грустил под вечер, что уходит
Солнце, как всегда, за океан,
А на землю с сумраком приходит,
Наползает медленно туман.
Всё заполняет без спасенья,
Страхом накрывает и растёт,
Вместо счастья в пустоту забвенья
Остров в бесконечности плывет.
И дрожит под пальмой одинокий
И такой несчастный бегемот,
Остров затерявшийся, далёкий
Может кто-то всё-таки найдёт?
Дни бегут, бесследно пропадая,
Исчезают где-то там, вдали.
Бегемот живёт, грустит, не зная
Чувств обычных — дружбы и любви.
День на день похожи, без отличий.
Остров жизнью тихою живёт.
Бегемот, к красотам безразличный,
Смотрит в даль и всё кого-то ждёт.

И однажды — встретил ранним утром
То, о чём мечтать уже не смел.
На волнах, под парусом раздутым
Кто-то нежно-нежно песню пел.
Розовый, в платочке, бегемотик
На него из лодочки смотрел
В платье, подчеркнувшим
чуть животик,
В солнечном сиянии сидел...
Вечер снова остров накрывает,
Наползает медленно туман,
Но вдвоём им страшно не бывает,
Мир прекрасен, как и океан.
На песке у волн сидят бескрайних,
У него в руке её рука.
Им теперь двоим о землях дальних
Будет вечной песня ветерка...
Мы всегда в душе немного дети,
Никогда не поздно помечтать
И однажды счастье каждый встретит,
Надо только верить, жить и ждать...

В лесу

*Бывает, к сожаленью так,
Что властью облачён дурак...*

Медведь, царь леса, не у дел,
Бразды правленья потерял.
Он за собратьев не радел
И, как окажется, что зря:
Конфликт давно здесь назревал.
Зачем такой нам царь зверей?
В лесу теперь сплошной развал
От непродуманных идей.
Да что тут долго говорить:
Последний приведу пример.
Он моду ввёл всем шкуры брить
На заграничный их манер.
А за границей — круглый год
Сияет солнце и жара,
А тут — замёрз лесной народ,
Трясётся в норках до утра.
Или другой ещё пример.
Бобрам он местным дал заказ,
Опять на импортный манер
Домов настроить всем. Приказ!
Последний тренд — плавучий дом
И будут там отныне жить,
А за границей все потом
Начнут об этом говорить.
Дома построил, сдал жильё,
В аренду жителям всучил
И началось в лесу житьё:
Гребёж, разборки получил.
Не может заяц с волком жить,
Лиса и мышки — тоже бред.
А как, скажите, белкам быть,
Когда им ястреб смотрит вслед.
И утонуло много здесь,
Кто плавать с детства не умел.
Что толку, что жилище есть,

Но возразить никто не смел.
Так долго длиться не могло,
Народ тихонечко зверел.
Молчишь — погибнешь всё равно.
Не ты — тебя здесь кто-то съел.
Решили партию создать
И в оппозицию уйти,
Чтоб все законы соблюдать,
Но возраженья донести.
Зачем-то выбрали осла,
Он был весьма красноречив.
Приняв регалии посла
Стал главным, должность получив.
Но стало только хуже всё.
В лесу дебаты целый день,
Совсем заброшено жильё,
Работать — тоже как-то лень.
Медведь, обиженный, ушёл,
Толпе реформы не понять!
Посмотрим, что осёл нашёл,
Что предлагает поменять.
А тот старается вовсю,
Так красноречие и прёт,
Гнёт дальше линию свою,
Что ничего всем не даёт.
Вздыхают звери: как же так?
Мы сами выбрали его.
Выходит, что осёл дурак,
Не понимает ничего!?
Сместили с должности осла.
Да, это стоило трудов,
В соседний лес его сослав,
Дав отступные — будь здоров.
Вот и осёл, всех обобрал!
И кто, скажите, здесь дурак?
Он или тот, кто выбирал
На эту должность просто так?
С тех пор живут здесь без царя,
Как раньше, много лет назад.
Всегда так жили — и не зря,

Для каждой норки — свой уклад.
Зачем им царь, какой в нём прок?
И для чего ему тут жить?
Пусть это будет всем урок
Того, как не должно здесь быть.

Дороги любви

Печально мышь одна сидела,
Зажглась полночная звезда.
Опять одна, так надоело,
Мышь далеко не молода.
Подружек замуж разобрали,
Детишек маленьких раят.
Как нашу мышку раздражали
Забавы, смех мышат-ребят.
Да и в округе беспокойно,
Им всем объявлена война,
Кот распоясался, разбойник,
А мышь сидит в норе одна.
А жил бы кто-нибудь под боком,
Коту тогда не сдобровать,
Он был в нокауте глубоком,
Собравшись деток воровать.
Так отмузулили котейку,
Что не узнала кошка-мать.
Он там вопил, искал лазейку,
Когда его смогли поймать.
И мыши били в иступленьи,
Чуть не забили до конца.
Да разве будет преступленьем
Добить такого подлеца?
С тех пор коты как озверели,
В округе бродят всей семьёй
И столько мышек уже съели,
Кто жил один а не с роднёй.
Тут поневоле огорчишься.
Как дальше жить, куда идти?
Сама с собой наговоришься,
Коль не судьба любовь найти.

Так можно сбрендить понемногу,
Мышь что-то жалобно пищит,
А кот вступает на дорогу,
И мышь никто не защитит...
Завечерело, стало тихо,
Все по домам своим сидят,
На мягких лапках вышло «лихо»,
Глаза от голода горят.
Мышь одиноко на крыльчке
За чашкой семечек сидит,
В окошке скромно светит свечка,
За мышкой бедною следит.
Кот к нашей мышке подобрался
И вот их встретились глаза.
Кот вдруг внезапно испугался:
О Боже! Что за чудеса?
Кто эта леди неземная?
Какой прекрасный, нежный взгляд.
Мысль так и крутится шальная...
Её уста — как сладкий яд.
К её ногам цветы бросает,
Мышь перепугана, дрожит,
А он в волнении икает:
Что мышь ответит, что решит?..
Столпились мыши в удивленье,
Никто не знает, что сказать,
Они женились, без сомненья,
Кому хотят что доказать?
Мышь и котейка — извращенье,
В округе каждый говорит.
Тут в воспитаньи упущенье:
Так опозорили свой вид!
Но им все мненья безразличны,
Судьбе пошли наперекор,
Любви дороги необычны,
И для чего весь этот спор?
Когда-то мышь одна сидела,
Зажглась полночная звезда.
Всех кавалеров просмотрела
Но это, к счастью, иногда...

За добро добром...

Жили-были старик и старуха...
Эта сказка, как все начиналась,
Дом и двор — всё сплошная разруха,
Нищета уже в двери стучалась.
Век их долог, но нажито мало,
За душой — ни добра, ни копейки.
В доме пусто и холодно стало,
Только радость — урчанье котейки.
Старики — как ребёнка, любили,
Баловали пушистый комочек
И последнюю утку забили,
Чтоб покушать мог милый сыночек.
Супчик вкусный котейке сварили,
Себе хлебушка чуть, по кусочку,
Лист малиновый в чай заварили,
Пьют из блюдца, сидят, по плоточку.
И вздыхает котейка у миски:
Как же жалко хозяев хороших!
Нет у них никого в жизни близких,
Дни бегут, друг на друга похожи.
Как помочь им? Вопрос без ответа,
Вся кошачья сущность страдает.
Ещё чуть — будет песенка спета,
Голод ключ к их замку подбирает.
Вечерело. Сгущались туманы,
За околицей всё застилая.
Дед расставил по дому капканы,
Планы мышкам на ужин ломая.
Те наглеют в вечернее время,
Тащат в норы последние крошки.
Это гадкое, хитрое племя
Не боится теперь даже кошки.
Ладно, будет хоть чем поживиться,
Мыши — вкусное свежее блюдо,
А то с голоду ночью не спится
И мерещится мяско повсюду.
Кот свернулся у печки в клубочек,
Лапкой с пёрышком сонно играя.

Серый, плюшевый тёплый комочек
Засыпает, глаза закрывая...
Слышит ночью котейка шуршанье,
Тихий плач из угла раздаётся.
Голос полон такого страданья,
Что откуда-то жалость берётся.
Видит котик: поймался воришка,
Тонкой лапкой застрял в мышеловке.
Совсем юная, хрупкая мышка,
Видно, шла в темноте к их кладовке.
Смотрит жертва такими глазами,
Что сожрать уже нет аппетита.
Да, спасла себя мышка слезами,
Мышеловка котейкой открыта...
Утром все, как обычно, проснулись.
Кот вздыхает — дурак, да и только.
Дни своей чередой потянулись,
Как всегда, не меняясь нисколько.
Но, однажды, когда мирно спали,
Под дождём, задремавши осенним,
В доме тихо в углу зашуршали,
Замелькали в ночи чьи-то тени.
Смотрит кот, онемев в удивленьи,
Мыши тащат мешок еле-еле
И оставив его, за мгновенье
Раствориться бесследно успели.
Старики пробудились от шума,
Как и кот, онемев в удивленьи.
Сколько жили, но кто б мог подумать
О таком необычном везеньи?

Тут пшеницы на зиму всю хватит,
Сколько хлеба испечь будет можно!
Так добром за добро даже платит,
Тот, в кого и поверить-то сложно!...
Лист малиновый в чай заварили,
Каравай тёплый — всем по кусочку.
За столом всю семью усадили,
Мышки кушают, пьют по глоточку.

Колдунья

Жила-была колдунья
Одна в глухом лесу.
Хорошая ведунья,
Плетущая лозу.
Плела корзины ловко
Из тоненьких ветвей,
Уменье и сноровка —
Они всегда при ней.
В корзинках тех носила
Ромашки на базар,
Всё лето их сушила,
Используя свой дар.
Была она старухой,
Живя от всех вдали,
Бездетной вековухой,
Не знающей любви.
Боялись её дети,
Их всех пугали ей.
Страшней на белом свете
Не видели нигде.

В платке она ходила,
Скрывающим глаза
И нож с собой носила,
Но это не для зла.
Им ветви нарезала
Для будущих корзин
И шишки собирала,
В ночи топя камин.
Печальная сидела
В раздумье у огня
И что-то тихо пела,
Чуть голову склоня.
Однажды ночью тёмной
Услышала вдали
Вдруг голос обречённый,
Молящий, чтоб спасли.
Не медля ни минуты
Она бежала в лес,
Туман сплошной окутал
С земли всё до небес.
Сквозь чашу пробиралась
На чей-то тихий зов.
Ей в темноте казалось,
Что сбилась со следов.
Но вот на дне оврага
Она его нашла.
Валялась рядом шпага
И он, едва дыша.
Спустилась вниз старуха,
А он совсем поник.
Уж сердце бьётся глухо,
Тут нужен духовник!
Но силы все подвластны
Колдунье на земле
И будут безотказны
Здесь, в непроглядной мгле.
Сняла платок свой чёрный
И волосы змейей,
Он, заново рождённый,
Увидится с зарёй!

К его груди прильнула,
Своё тепло отдав
И в тишине уснула
На ложе диких трав.
А с первыми лучами,
Проснувшись рядом с ним,
Она ушла печально
В свой дом, что стал чужим...
Летели дни, недели
И снова на базар,
А там ряды пустели:
Здесь праздника разгар.
Тот юноша из чащи,
Что ею был спасён,
Был принцем настоящим,
На трон благословлён.
Но только видно: гложет
Его с чего-то грусть,
Ту ночь забыть не может,
Пусть повторится, пусть!
Он сон волшебный видел
В ночной глубокой мгле,
Как падал обессилев,
Не усидев в седле.
С похода возвращался
Израженный, чуть жив.
И с жизнью попрощался,
Душой в беззвёздность взмыв.
Но в темноте вселенной
Печальные глаза,
Дав свет благословенный,
Отправили назад.
Он их забыть не может
И видел часто в снах,
Теперь всего дороже
Стал этот свет в глазах.
Принц ищет их повсюду,
Он словно одержим
И шепчет: Не забуду,
Ну, где же ты, скажи?

Колдунья молча смотрит
На радостных людей
Поодаль, чтоб не портить
Всем праздник светлый сей.
Но вдруг внезапно видит
Принц взгляд из-под платка.
Да, выбор незавиден,
Он смотрит свысока.
Искал везде богиню,
Сошедшую с небес,
Не давшую погибнуть
Там, где чернеет лес.
А здесь стоит старуха
Но, Боги, что за взгляд!
И сердце бьётся глухо,
А руки всё дрожат.
Он всё же к ней подходит:
Что хочешь попроси.
И глаз с неё не сводит,
Почти лишившись сил.
«Колдунья!» — все шептали.
Принц, берегись её!
Когда-то их сжигали
На площади живьём.
Потом, всё ж пощадили,
Позволив жить в лесах.
И сделку заключили,
Всё взвесив на весах.
Лечить их обязали,
От хворей всех спасать.
Изгнаньем наказали,
Чтоб тихо угасать.
Вдруг дунул ветер сильный,
С неё слетел платок
И на дороге пыльной
У ног его, цветок.
Лежит в кровавых каплях
На белых лепестках,
А где-то, в звёздных далях,
Крыла прощальный взмах.

Все смотрят, не поверя.
Колдуньи больше нет:
«Не велика потеря!» —
Сказал ей кто-то вслед.
Не ведают в гордыне,
Что рядом ангел жил
И что теперь, отныне,
Одни в их мире лжи...

Королева-лягушка

В лесу, на солнечной опушке,
От местных жителей вдали,
Жила красавица-лягушка,
Что королевою сочли.
В шикарном домике просторном
Вела приём она гостей,
В своём величии бесспорном
Была владычицей зверей.
Ей дань несли с благоговеньем:
Спаси Господь не угодить!
Она отвергнет их с презреньем
Без права больше приходить.
Стояли, бедные, понуро:
Уже привыкли молча ждать,
А королева с трона хмуро
Велит дары прислуге сдать.
Она сегодня так устала!
Бассейн, сауна, массаж
От моды тоже не отстала —
На лапках свежий татуаж.
Как утомительно быть лучшей:
С утра до ночи столько дел!
Одних стилистов только слушай —
Так целый день и пролетел.
Сидит и ждёт лягушка принца,
Вот-вот придёт расколдовать.
Лес надоел — вот заграница,
Вот где должна повелевать!
Омаров с лобстерами кушать,

В шелках заморских утопать,
Хвалу от лордов знатных слушать,
На царском ложе засыпать.
Живёт лягушка ожиданьем,
Совсем измучила зверей
В своих причудах и желаньях,
Подчас немислимых идей.
То дай ей лошадь, что летает,
Кажись, Пегасом ту зовут,
То на карету намекает,
Все ищут-ищут, не найдут.
Ей не обычную — большую
И чтоб в брильянтах вся была,
А к ней жар-птицу неземную,
Совсем их, в общем, довела.
Страдают в норках, плачут звери.
Ну, где же ходит этот принц?!
Мы как вассалы, всё терпели,
Весь этот ужас без границ.
Сидят и думают под вечер
Что в их лесу произошло
И тихо тают, плачут свечи,
Скорбя о счастье, что ушло...
И вот однажды, днём осенним,
Когда листва в лесу кружит,
С теплом прощается последним,
В тиши раздался стук копыт.
Красавец-принц со свитой скачет,
В лесу уже переполох.
Он за лягушкой, не иначе.
Неужто нас услышал Бог?!
Она в любовном ожиданье:
Ждала так много-много лет.
Вот долгожданное свиданье,
Его важнее в жизни нет!
Принц дал приказ остановиться
Среди берез, у родника.
Воды чистойшей чтоб напиться,
Была дорога далека.
Лягушка рядышком на кочке,

Почти у ног его сидит,
В расшитой атласной сорочке
И с обожанием глядит.
Вся благовоньями облита,
На лапках новый татуаж,
А шея жемчугом обвита
Красотка — высший пилотаж!
К воде принц низко наклонился.
Как манит свежесть родника!
И очень сильно удивился,
Увидев странного зверька.
Застыл он в крайнем изумленьи
И даже рот слегка открыл,
Лягушка ж в сладостном томленьи
Его целует со всех сил.
И ничего... Принц дальше скачет,
Он чуть лягушку не убил.
Она одна и горько плачет,
Жених не тот сегодня был...
Живёт одна в своей избушке
И доживает долгий век
Не королева, а лягушка,
В душе — несчастный человек.
Забыта всеми в одночасье,
Из грязной миски воду пьёт.
Хотела денег, власти, счастья
И всё кого-то ждёт и ждёт...
Сменяет лето снова осень,
Зима, весна, за годом год,
На шкурке уж седая проседь.
Принц, видно, так и не придёт...
Мы все немного королевы,
Стремимся принцев выбирать,
Но вдруг, проснувшись
старой девой.
С короны пыль идём стирать.
А он всё скачет где-то, скачет,
Но верим, всё-таки придёт.
Ведь возраст разве что-то значит?
А время всё идёт, идёт...

Курятник

В курятнике переполох,
Их господин, петух, оглох.
Ни ноты до, ни ноты си.
Фальшивит, слушать нету сил.
Злословят куры во дворе,
Те, что в элите не пригрел:
Здесь может поменяться власть,
Вот посмеёмся тогда всласть!
Кудахчут, ну сплошной базар,
Да, конкуренция, азарт.
Элита тоже напряглась,
Сдать бедолагу собралась:
Нам нужен новый господин!
Петух в стороночке один.
С поникшей гордой головой,
Но, слава Богу, что живой!
Вдруг стихли все. Открылась дверь.
Всё, нет хозяина теперь.
Забрали люди петуха,
Все ждут, молчат, не до «ха-ха»...
Прошло два дня, и чудеса,
За дверью слышат голоса.
В курятник возвращён петух,
Он снова с голосом, есть слух,
С ним новых поселили кур,
А старых — на продажу, дур.
Скорей всего, пойдут на суп,
Курятник оказался глуп.
Вот так, интриги и борьба,
Но насладиться не судьба.
Жизнь преподносит всем урок,
Отмерен каждому свой срок.

Лесная бль

Листва упавшая шуршит,
Трава пожухлая мокра.

Лиса домой к себе спешит
Для деток курочку украв.
Всё хуже, хуже с каждым днем
В лесу покусать находить.
Кто знает, завтра ли найдём
Чем малых деток прокормить.
В полях собрали всё зерно,
Мышей там больше не найдёшь,
Те переехали давно
Всем кланом, где хранится рожь.
В амбарах светлых обжились,
Наели толстые бока.
Им хорошо там, прижились
До тёплых дней они пока.
А тут не знаешь, как прожить,
Вздыхая, думает лиса.
Кур стали лучше сторожить
И зайцев нет уже в лесах.
Охотясь, истребили всех,
Кто был не ловок и не скор.
Кого на суп, кого на мех,
Кого-то — просто так, на спор.
Да, выжить трудно в наши дни.
Как дальше зиму пережить?
Детишки целый день одни,
Мать их не может сторожить.
Да ещё новая напасть:
Огромный волк забрёл в их лес.
В своём краю он мог пропасть,
Там голод, а для волка стресс.
Любитель курочек поесть,
К лисятам, зайкам тоже страсть,
Он рыщет по лесу, чтоб съесть...
Любая живность будет всласть.
Волк на диете — не смешно,
Тут все проблемы подождут.
На время всеми решено:
Пока забыть в лесу вражду.
И так осталось посчитать
По пальцам можно всех зверей.

Ещё чуть-чуть — и может стать
Лес фауны лишится всей.
Лиса до дома добралась,
Детишки уж устали ждать.
Семья на ужин собралась,
Им курочку должны подать.
Целует деток нежно мать,
Комочков рыженьких родных.
Какое счастье обнимать
Сыночков маленьких живых!
Поели лиски, дружно спать
В постельки мягкие легли.
Им завтра надо рано встать,
Чтоб маму проводить смогли.
Опять пойдёт она искать
Чем можно деток прокормить,
А вечером придёт ласкать
И на ночь сказки говорить.
Заснули счастливо в тепле,
Во сне тихонечко сопят.
Ночь стелет мрак по всей земле,
В лесу все в норках мирно спят...
Рассвет слегка позолотил
На горизонте небосвод,
Луч света сумрак поглотил,
Его низвергнув в омут вод,
В реке, за лесом, утопил
И унесло течение прочь.
В лесу день новый наступил,
Остатки сна стряхнувши в ночь.
Проснулась с детками лиса,
Но, ужас! Младшенького нет.
Он им записку написал:
Пошёл для всех искать обед.
Хочу я маме помогать.
Я уже вырос, взрослым стал.
Пусть меня будете ругать,
Но дома я сидеть устал!
Хочу заботиться о всех
И лес побегать посмотреть,

А то дрожим здесь, просто смех!
Боимся жить и умереть...
Лиса в отчаянье бежит
По лесу ищет, не найдёт.
Уже собой не дорожит,
Не прячась, малыша зовёт:
Где ты, мой маленький сынок?
Услышь меня и отзовись!
Ещё не знаешь — мир жесток,
Не доверяй, насторожись!
Вдруг слышит где-то рядом шум.
Она туда, с последних сил.
Бежит, не глядя, наобум,
Холодный пот глаза залил.
И видит бедная лиса:
Среди желтеющих берёз,
Что невозможно описать,
Не проронивши горьких слёз.
Её лисёночек сидит,
От страха сжавшись весь в комок
И волк поотдал чуть стоит,
Уже готова свой прыжок.
О, как жестока их судьба,
Ей только б добежать успеть!
Да, здесь неравная борьба
И могут вместе умереть.
И вот решится всё сейчас,
Так сердце прыгает в груди!
Пришёл её последний час
И бой последний впереди.
Но вдруг упал огромный волк,
Раздался выстрел в тишине,
Дым всю поляну заволок,
И эхо вторит в вышине.
Лиса к ребёнку, обняла.
Он плачет, бедный, весь дрожит.
Она ещё не поняла,
Что будут дальше они жить.
Охотник к лисам подошёл,
Вздыхнул, увидев их глаза,

И по тропинке вглубь ушёл,
Избавив этот лес от зла.
Лиса не верит: как же так?
Такого не было во век,
Он, самый главный лисий враг,
А пощадил их человек.
Полдня проплакали они.
Лисенка так ругала мать!
Не могут малыши одни
Гулять, от взрослых убежать...
С тех пор прошло немало дней,
Всё успокоилось в лесу.
Взрослеют детки, всё умней
И больше слушают лису.
Лес приготовился к зиме,
Усыпан пёстрою листвою,
Их норку подо мхом, в холме,
Укрыл пушистый толстый слой.
Лисят торопит мать гулять,
Пора узнать им этот мир,
А то всех будут удивлять,
Ища на древних ёлках сыр.
Такой конфуз здесь был вчера,
Когда их вывела с норы.
Все потешались до утра
И пальцем тычут с той поры.
А галки новость разнесли,
Всё приукрасив, как всегда.
Такие сплетни понесли,
Хоть прячься дома навсегда!
Все знают, верить им нельзя,
Фантазии во всей красе.
Что можно с птиц безмозглых взять?
Однако слушают их все.
Идут лисята всей гурьбой,
Купаясь в солнечных лучах,
Вполне довольные собой,
Резвятся, прыгают, кричат.
В лесу отныне мир царит.
Все держат здесь нейтралитет.

Как старый ворон говорит,
Таких он не припомнит лет.
Однако скоро холода
И будет нечего поесть,
А значит, снова иногда
В лесу кого-то станут есть...
С утра в лесу переполох.
Случилось что-то, может быть?
Народ от галок весь оглох,
Те разлетались во всю прыть.
Кричат, сорвали голоса.
Что? Невозможно различить.
Уже орут как с полчаса,
Не могут толком объяснить.
Разбужен весь лесной народ
С желаньем галок перебить.
Весь истребить их мерзкий род,
Ну как безмозглым что вдолбить!?
Повылезали все из нор,
Пытаясь что-либо понять.
Уже затеял кто-то спор,
У белок драка — не разнять.
Лисята с мамой — тут как тут,
Во все глаза свои глядят.
Слегка волнуются и ждут,
У норки рядышком сидят.
А галки стайкой все к реке,
Тут, на шумевшись, понеслись
И уже слышат: вдалеке
Их где-то крики раздались.
Собрались звери и толпой
Пошли из леса — посмотреть.
И даже крот пошёл слепой,
А уж ему-то чем там зреть?
Выходят из лесу к реке
И удивленью нет границ.
От леса, чуть недалеко,
Кормушки для зверей и птиц.
Зерно и хлеб они нашли,
Капусты сочной кочаны.

Не веря в чудо, подошли,
Быть может, видят они сны?
Всё это сделал для зверей
Охотник, что лисичек спас.
Увидел боль он матерей,
Обнявших деток в смертный час.
Неважно, человек ли, зверь.
Все за детей в последний бой.
Он это осознал теперь,
На встрече, посланной судьбой.
Не убивают больше здесь,
Не слышно выстрелов в лесу,
И слабых тут не будут есть,
Теперь всем кушать принесут.
Мир может стать чуть-чуть добрей.
Что надо? Посмотреть в глаза.
Тогда без слов поймем зверей,
И будет в жизни меньше зла.

Мадемуазель

*Считаешь алчность не порок?
Как знать, кому-то всё ж урок.*

В очень старом королевстве,
Там, за тридевять земель
Проживал король наследство,
Содержа мадмуазель.
Та, надменна и сварлива,
Что бесило всех друзей,
Но по-своему красива,
Не принцесса, из людей.
А манеры как у дамы,
Самых лучших что кровей,
Своенравна и упряма,
Как положено быть ей.
И умна, тут не поспоришь:
Так подняться до господ.

Ты с умом чего-то стоишь,
Без него — наоборот.
Всё отменно просчитала,
Все ловушки обошла,
Первой дамой быстро стала,
Что искала, то нашла.
Деньги, власть, монарх под боком —
Больше нечего желать,
В королевстве том далёком
День и ночь пирует знать.
То балы, а то охота —
Всё к ногам мадмуазель,
А народ устал от гнёта,
Проклиная ту «мамзель».
Королю не до вассалов,
Только б даме угодить!
Та совсем несносной стала,
С ним желает трон делить...
Не ценила, что имела,
Жизни дар не сберегла,
Королю всё надоело,
Алчность даму подвела.
Из хором переселили
В сельский дом мадмуазель,
Из элиты удалили
Под овации людей.
Она плачет у окошка:
Так внезапно проиграть!
Вместо слуг — у печки кошка,
Ей на даму наплевать.
И мораль тут очевидна:
Чтобы счастье сохранить,
Алчность — лишнее, как видно,
Надо просто жить, любить...

Маленькая мышка

Маленькая мышка потерялась,
В поле замечталась, засмотрелась.

Нежными цветами любовалась,
Солнечными лучиками грелась.
Облака с улыбкой провожала,
Лёгкие, что белые пушинки.
На душистом клевере лежала,
Как на мягкой бархатной перинке.
В капельках росинки искупалась,
Звону колокольчиков подпела,
Но — внезапно сильно испугалась,
Что за мамой с папой не успела.
Побежала мышка по дорожке,
Мотыльков застенчивых пугая,
И в пыли малюсенькие ножки
Замелькали, след свой оставляя.

Мышь и закон

Тихо в мышиной норе,
Мама вздыхает, сидит
Песенки спев детворе,
Их убаюкав, не спит.
Всех одеялком накрыв,
В мыслях печальных она.
Выжить им нет перспектив,
Мышка осталась одна.
Всё как у многих людей,
Те же проблемы и здесь,
Муж оказался злодей,
Им не приносит поесть.
К бабе соседской ушёл,
Бросил голодных ребят.
Что он в ней только нашёл?
Серая мышь, говорят.
Но из хорошей семьи,
Местных известных элит,
Дочь мирового судьи,
Что в министерстве сидит.
Дом их — крутая нора,
Комнат отдельных — не счесть,

Песни орут до утра,
Всем здесь успев надоесть.
Бесит округу их пир,
Запахи — можно упасть!
Жрут видно, гады, всё сыр,
Чтобы им всем там пропасть!..
Мама вздыхает — как быть?
Скоро наступит зима,
Как она сможет добыть
Детям покушать сама?
Их не оставить одних:
Всё норовят убежать,
Мышки советом родных
Попросту не дорожат.
Им бы играть да играть,
Бегать быстрее и быстрее.
Да, на замок запирают
Видно придётся детей.
Мама корзинку взяла,
В тёмную ночь поскорей.
Дурой наивной была,
Чёрт бы побрал всех мужей!
Тащит корзинку, нет сил,
Лапки от боли дрожат.
Вот и рассвет наступил
Как же минуты спешат!
Слёзы тихонько бегут,
Скоро уже не спастись,
Мышку-воровку найдут,
Бедная мама, держись!
Суд высочайший идёт,
В зале мышей — и не счесть.
Свой приговор мама ждёт,
Строгим не будь, Ваша честь!
Да, своровала зерно,
Ночью на поле пошла.
Чьё было — ей всё равно,
Детям покушать нашла.
Жизнь до беды довела,
Чем было деток кормить?

Мышь как бумага белая,
Будет сейчас говорить.
Слово последнее ей
Суд предоставил сказать,
Мама в объятьях детей
Может лишь только рыдать.
Ропот по залу прошёл,
Мыши со стульев встают,
В зал муж неверный вошёл,
Все в него дружно плюют.
Будет нелёгким процесс,
Кажется, дрогнула власть.
Здесь у мышей перевес,
В зале готовы напасть.
Суд высочайший бежит,
Кончилась сытая власть,
Муж наш, неверный, дрожит,
В ноги жене хочет пасть...
.....
Царство мышинное спит,
В норках, в корзинках зерно,
Наша элита сидит,
Где за решёткой темно.
Будет им время узнать
Как в безнадёжности жить.
Так иногда даже мать
Может весь мир изменить!

О козе

Ушла от деток мать-коза,
Сегодня праздник у друзей.
Коза накрутила глаза,
Сказала детям, что в музей.
Надела юбку мини-клёш,
С прозрачной блузкой цвета беж,
Козы красивей не найдёшь,
С такой не стыдно за рубеж.
Духами щедро полилась,
Взяла конфеты и вино,

О крокодиловых слезах

Пришла к друзьям и напилась,
Какое вкусное вино!
Все в изумлении сидят,
Душистый чай из блюдца пьют,
Глазами круглыми глядят
Как козы пьяные поют.
Кто не был там, тот не поймёт
И не оценит сей вокал.
Козу никто не узнаёт,
Та за бокалом пьёт бокал.
Летит на люстру юбка-клёш,
Стриптиз устроила коза,
Её за дверь выводят всё ж,
Смотря в бесстыжие глаза.
Порвалась блузка цвета беж,
Забыта спьяну юбка-клёш,
С такой не надо за рубеж,
Тут от позора сам запьёшь.
Так можно быстро потерять
Семью любимую, друзей.
Как детям маме доверять,
Когда она идёт в музей?
Домой вернулась мать-коза,
Как говорится, «на рогах»,
Но прячет пьяные глаза,
Едва держась на ногах...
Коза страдала от стыда,
Не пить друзьям дала зарок,
Так безрассудство иногда
Всем преподносит нам урок.
Забит тот праздник и вокал,
На люстре мини юбка-клёш,
Вином наполненный бокал
Теперь здесь больше не найдёшь.
Надета блузка цвета беж
И юбка длинная до пят,
Везёт мать деток за рубеж,
Любимых маленьких козлят.

В реке рыдает крокодил,
Река, нахмурившись, молчит,
К нему никто не подходил,
Виной — отличный аппетит.
Подкараулит свой обед,
Чуть зазеваешься — сожрёт.
Ну, ничего святого нет!
Живёт, как конченный урод.
Погибло столько здесь зверей!
Что жалость? Ужинать пора.
И к деткам малым не добрей,
Идут десертом «на-ура».
А тут вдруг слёзы вздумал лить,
Взгрустнулось, видите ль, ему.
Душа, рыдает он, болит
И сам не знает почему.
Нет ни друзей и ни родни,
Наверно, тоже их сожрал.
Пиявки плавают одни,
Какая гадость! Есть не стал.
Мечтает друга завести
И с ним в тиши поговорить,
Но всех зверей не провести,
Слезами с толку их не сбить.
Ему как можно доверять?
Там нет ни чести, ни души,
И нет желанья проверять,
Тут уши по ветру держи!
Все настороженно молчат,
Уже не знают, что им ждать,
Лишь чайки в воздухе кричат,
Им хорошо там наблюдать.
Их не достанут, не съедят
Пока не спустятся к реке
И звери бедные сидят
От крокодила вдалеке...
Рыдал с неделю крокодил,
Так всем в округе надоел!

Никто к реке не подходил.
Хотелось пить. Ну, кто тут смел?
И вот увидели все вдруг
К воде зайчонок подошёл,
В глазах — надежда и испуг,
Но всё ж решился и пришёл.
Он предложил ему дружить,
Сказал, что тоже одинок,
И будет дружбой дорожить!
Наивный, юный ангелок.
Почти истории конец,
Дружили где-то дня два-три.
Всё, зайчик больше не жилец,
У крокодила он внутри.
Тот долго плакал и страдал,
Всё ж, видно, друга трудно есть,
Но как же он оголодал!
А, значит, к чёрту дружба, честь.
Мораль предельно тут проста:
Не надо глупо доверять.
Душа у зайчика чиста,
Но по себе не всех ровнять!

О поросятах и не только

*Порой не знает правды мать.
И не детей пора спасать...*

В лесу играют поросята,
Без спроса вышли погулять.
Такие милые ребята,
Что могут только умилять.
Смеются, бегают, резвятся,
А дома плачет, ищет мать,
Ей будет сложно постараться
Им всем ремня не надавать.
В лесу опасность поджидает,
Здесь бродит волк, почти маньяк.
Зла, говорит он, не желает,

Но гибнут все не просто так.
Недавно зайцы пропадали,
Вот так же вышли погулять,
Оленя долго не видали,
Уже, наверное, дней пять.
Ёж страху, видно, натерпелся,
Такое нёс — не передать!
Все говорили — перегрелся,
Не станет волк колючки жрать!
А поросята всё играют,
Им ужас мамы не понять,
Мяч по лужайке свой пинают,
Спеша друг-друга обогнать.
Но за кустами волк тихонько,
Уже подкравшись к ним, сидит.
Да, будет плохо поросёнкам,
У волка зверский аппетит!
Он в предвкушенье потирает
Пока пустой ещё живот
И, к сожалению, не знает,
Что будет всё наоборот.
Не поросята станут жертвой,
Судьба смеётся иногда.
Для волка случай будет первый,
Когда с ним справится еда.
Ну а пока он выбирает
Кого взять лучше на обед

И слюнки лапой вытирает,
Уже терпенья больше нет!
Волк к ним тихонько ближе, ближе,
Ещё чуть-чуть — последний шаг,
Он для прыжка склонился ниже
И — как стрела через овраг.
Но не судьба... он камнем рухнул.
Мячом волк, по лбу получив,
От боли только тихо ухнул,
В овраге шкуру намочив.
В грязи, в колючках извалялся,
Чуть лапы все не поломал.
Всех поросят порвать поклялся,
Весь род их гадкий проклинал.
Ругаясь, из оврага лезет,
Стучит зубами, озверел.
Ещё чуть-чуть и он долезет,
Но кто-то палкой вдруг огрел.
Рыдая, волк летит обратно,
Не отпускает тот овраг.
Испорчен статус безвозвратно,
Волк не маньяк теперь — дурак.
А наверху там поросята
С огромной палкой волка ждут.
Такие милые ребята,
Но спуску волку не дадут!
Ждут, усмехаясь, с серым встречи,
Глазёнки их так и горят.
Ему приём тут обеспечит
Отряд бандитов-поросят.
Куда мир катится, скажите?
Ему бежать от детворы?
Они милы, но не спешите,
Вся беззащитность до поры.
По полной волка обложили,
Уже готовят кипяток.
Костер зажгли и положили
В него огромный котелок.
И бесполезны разговоры,
Что спички детям не игра.

Какие здесь переговоры,
Тут со всех ног бежать пора!
А наверху ребята водят
Вокруг кострища хоровод.
И кто маньяки тут, выходит?
Совсем не волк, наоборот.
Ползет бедняга вдоль оврага,
В грязи едва не утонул.
Где злоба, гордость и отвага?
Волк счастлив: спасся, ускользнул...
Сидит голодный он, без пищи,
Но радость — всё -таки живой,
В своём неприбранном жилище
И эхом вторит страшный вой.
Морально серый уничтожен
Да и физически избит.
Он сам себе теперь ничтожен,
По ощущениям — инвалид...
Завечерело, заскользили
По лесу тени, чуть шурша.
В свои объятья погрузили,
Прохладой свежую дыша.
Весь мир звериный по домишкам,
Все одеялки достают,
Читают мамы детям книжки
И на ночь песенки поют.
Волк тоже дома засыпает,
Пытаясь ужасы забыть.
Он, к сожалению, не знает,
Что ещё хуже может быть.
Там, за кустами, поросята.
Им дома мама — не указ.
Такие милые ребята,
За ними только глаз да глаз.
Днём поросята возвратились
Из леса к маме дорогой,
За хулиганство поплатились,
Из дома больше ни ногой.
Ругала долго деток мама:
Одним без спроса уходить!

Недолго к волку в лапы прямо
Тут можно просто угодить!
Их очень строго наказала,
Всех посадила под замок,
Но мама добрая не знала,
Что разговор тут не помог.
Они немного подождали.
Всё, можно, в доме тишина.
И преспокойно убежали.
У них есть цель — она важна.
И вот теперь они — в засаде,
В кустах спокойненько лежат,
А бедный волк уже в осаде,
Но поросята не спешат.
Тихонько домик обложили,
Как будет ярко он гореть!
Сухие ветки положили,
Они не будут долго тлеть.
На небе звёзды зажигались,
Луна дарила слабый свет,
Когда детишки разыгрались
Был старый дом — и уже нет.
Волк чудом спасся, шкура тлеет,
Бежит от дома со всех ног.
Луна печальная бледнеет,
Какой несчастный этот волк!
А поросята веселятся
Горит большой у них костер
И в ярком пламени режутся
Кто дальше прыгнет тут на спор...
С тех пор не слышали о волке
Куда пропал? И жив ли, нет?
Ходили разные здесь толки,
Кто ж знает правильный ответ?
А поросята всё играют.
Им все проблемы нипочём.
Как раньше, по лесу гуляют,
Режутся, бегают с мячом.
Да, внешний вид порой обманчив.
За волчьей шкурой часто — трус,

А от невинных свинок плачем,
Но я судить их не берусь...

Приглашение на ужин

Скажи мне что-нибудь, мой друг!
Обиды в сердце не держи,
Мир так прекрасен, и вокруг
Всё так спокойно, ни души.
Какая осень здесь, в лесу!
Деревья золотом горят,
Цветов последних принесу
Тебе, мой друг! Не надо? Зря.
Так волк зайчонку говорил,
Его тащил к себе домой.
Был обходителен и мил,
Доволен полностью собой.
Наш волк — гурман, во всём эстет,
Обед и ужин — при свечах.
К тому же — признанный поэт,
Педант, дотошный в мелочах.
Умел к себе расположить,
Стараясь жертву обаять,
А дома — острые ножи
И в предвкушенье мутный взгляд.
Потом, поев, писал стихи,
Какие рифмы он слагал!
Голодный волк — стихи плохи,
Сожрал кого-то — мадригал...
Мораль понять несложно тут
Волков таких, увы, не счастье,
Приняв личину друга, ждут,
Когда удобно будет съесть.
А зайцам глупым мой совет:
Не доверяйте никогда!
Иначе быстро на обед
Вы попадёте — как еда...

Про мишку

Шёл мишка неуклюжий
Малину собирать.
Ему её на ужин
Доверили набрать.
Корзинку дома дали,
На чертеже — маршрут
В семье нарисовали,
Где ягоды берут.
Идёт, зеваёт мишка:
Не дали мне поспать!
А братья-шалунишки
Не стали помогать.
Отправился в обиде
На всю свою семью.
Он сон прекрасный видел,
В нём мёд ему дают.
Бурчал под нос сердито:
«Не любите меня!» —
Но хорошо воспитан,
Чтоб дома спорить зря.
Дошёл до ягод мишка,
Вздыхая, начал рвать.
Решил схитрить, плутишка,
Чтоб их быстрее набрать.
На дно корзинки листьёв
Он кучку положил,
Обрадованный мыслью,
Обратно заспешил.
Пришёл домой довольный:
Вот сколько я принёс!
И спать пошёл спокойно,
Собой гордясь всерьёз.
Смеркалось, все собрались
Одной большой семьёй.
Родители старались,
Чтоб прокормить её.
То пирожки, то плюшки,
Пекла на ужин мать,

То сладкие ватрушки
Спешила всем подать.
Сидят с душистым чаем
И вкусенького ждут.
С малинкой им случайно
Ни торт ли подадут?
И вот заходит мама,
Всем миски раздаёт.
Медведикам в пижамах
Варенье подаёт.
Всё в сладком аромате
Малиновом плывёт,
Медведица в халате
Его по мискам льёт.
Ждёт мишка косопалый,
Аж слюночки текут,
Их вытирает лапой:
Как пахнет вкусно тут!
К нему подходит мама,
Но не варенье льёт,
Нахмурившись упрямо
Листву ему кладёт.
Наш мишка безутешен.
Расплакался навзрыд.
В обмане он замешан,
Какой же это стыд!
Все скушали свой ужин,
Ушли давно в кровать,
А он сидит, ненужный,
Не в силах больше спать.

Чуть свет он взял корзину,
В лес побежал быстрей.
Рвал целый день малину
Побольше, поспелей.
Домой вернулся к ночи,
Едва её донёс.
Устал мишутка очень,
Но больше — не до слёз.
Мать обняла, погладив:
Ты вырос, мой сынок!
Свою вину загладив,
Усвоил ты урок.
На кухне — вкусный ужин,
Я мёдом накормлю.
Мой мишка неуклюжий,
Я так тебя люблю!

Рождественская сказка

Белый снег запорошил округу,
Вьюга вихрем шальным пронеслась.
В ночь волшебную скажем друг-другу
Пожеланье, чтоб сказка сбылась.
Всё, о чём мы мечтали, не веря,
И боялись кому-то сказать
К нам придёт,
приоткроем лишь двери,
Чтобы сказка могла нас позвать...
.....
В доме старом, за мутным окошком,
Слабый отблеск свечи на стене,
На печи пошуршал кот немножко,
Тихо-тихо мурлыча во сне.
За столом что-то пишет ребёнок,
На листочке нетвёрдой рукой,
И вздыхает потом облегчённо
Над последней, в помарках, строкой.
Лист кладёт под подушку подалше,
Гаснет свечки огарок, трещит.

Засыпает наш юный гадалщик,
Всё стихает, смолкает в ночи...
Полночь.

Дверь потихоньку открылась,
Тень шмыгнула, скользя за порог,
В доме спящем в углах затаилась,
Как какой-то пугливый зверёк.
Кто-то тихо по дому ступает,
Только слышно как доски скрипят,
Дом незваного гостя впускает,
Кот с ребёнком чуть слышно сопят.
В темноте не увидишь предметы,
Гость наткнулся внезапно на стол.
Полетели с него незаметно
Чашки, ложки со звоном об пол.
Мальчик с криком

в испуге проснулся,
Кот со страху на печке шипит,
В доме кто-то тихонько ругнулся,
Кот от ужаса на пол летит.
Задрожала зажжённая свечка,
Мальчик прячется,
вжавшись в кровать,
Под котом, распластавшись у печки,
Гном возился, пытаясь встать:
«Вот, придёшь тут —
пожалуйста, встреча.

Что ж такое, как рёбра болят!
Ни с того ни с сего покалечат,
Кто подарки раздаст для ребят?» —
Мальчик к гному с опаской
подходит,
Кот и то оказался смелей,
Для себя он вкусняшки находит,
Тащит в угол, там спрятать верней.
Рождество целый год дети ждали,
Как же хочется сказки скорей!
Все друг-друга потом убеждали,
Ночью видели в доме гостей.
Так хотелось поверить им в чудо,

Кто-то хвастал подарком своим
И мелькали улыбки повсюду,
Каждый чувствовал, знал, что любим.
Только мальчик из нашей избушки
В этот год остаётся один.

Как мечтал получить он игрушки,
Те, что видел вчера средь витрин.
За стеклом так сияли под солнцем!
Он смотрел и не мог отойти,
А потом за убогим оконцем
Всё мечтал свою сказку найти.
Сироту не отвергните, люди!
Как же будет он дальше один?
Кто теперь на рассвете разбудит
И прижмёт к своей тёплой груди?
Мальчик смотрит на гнома, не верит.
Может быть, это кажется, сон?
Но скрипят приоткрытые двери,
Вьюга с ветром поёт в унисон.
Холод в дом за порог затекает,
Мальчик мёрзнет и понял —

не спит.

Гном kota за ушиб распекает
И рассерженно громко пыхтит.
Мальчик просит прощенья у гнома,
Чай горячий ему предложил:
«Оставайтесь, пожалуйста дома.
Я бы с радостью вам послужил.
Разнесу я подарки, как надо,
Вы пока отдохайте в тепле!» —
Смотрит гном на него

добрым взглядом,

Кот ворует, совсем обнаглев.
Тащит, тащит, пока гном не видит:
«Эх, успеть бы, ещё припасти!»
Гном спохватится, но не обидит,
Кот поплачется: «Праздник, прости!»
Гном ребёнку игрушки вручает:
«Поспеси их быстрее отнести,
Рождество скоро утро встречает,

Этот праздник должны мы спасти!
Я один, не успею, хромаю.
И себя не смогу я простить...
Пусть никто из детей не узнает,
Каково это в праздник грустить...» —
Мальчик счастлив, он гному поможет!
Взял подарки, к ребятам спешит,
Для него станет праздник дороже,
Дело доброе он совершит.
Утром ранним вернулся обратно,
До рассвета дома оббежал,
Всё успел, всё раздал аккуратно,
Гном у дома уже его ждал:
«Что ж, подарок себе не оставил?
Ты его как никто заслужил.
Городок от печали избавил,
Мою миссию здесь завершил.
Мне пора в край далёкий вернуться,
Там, где сказка живёт круглый год,
Где деревья от пряников гнутся,
И конфетная вьюга метёт.
Где в цветах можно мёда напиток,
Он стекает слезой с лепестков
И луна каждый вечер рождается
Там, за полем, среди васильков.
Если хочешь, уйдём туда вместе
Из людей там никто не бывал,
Ты достоин вполне этой чести
Вместо долгих, ненужных похвал...»
За домами рассвет разливался,
Красной линией плыл небосвод,
Кот в дорогу спешил, собирался,
Деловой проявляя подход.
Растворились в тумане три тени,
Гном и мальчик ушли налегке.
Кот с поклажей себе не изменит,
Еле тащит «богатство» в мешке...
.....
Сказка есть, и она где-то рядом,
Может быть, скоро встретимся с ней.

А для этого каждому надо
Верить в чудо, быть лучше, добрей.
И однажды откроются двери,
В дом войдёт кто-то тихо в ночи
Мир волшебный возьмёт и поверит
И оставит от сказки ключи.

Сила слова

Мне бы капельку зерна,
Крыска бедная пищит.
Вся промокла, голодна,
Голова от дум трещит.
Год тяжёлый наступил,
Не добыть совсем еды,
Дождь округу затопил,
Тут не долго до беды.
Крыска к дому подошла,
Может, здесь последний шанс?..
Миску с творогом нашла,
Видит кошку — реверанс.
«Разрешите вас спросить,
Этот дом, конечно, ваш?
И позвольте похвалить,
Вы отличный, видно, страж.
А красивы как, стройны
И, конечно, из дворян,
Корни царские видны:
Хоть бы где какой изьян!
А какой пушистый мех,
Отливает серебром,
Зависть вижу я у всех,
То, что с вами я знаком». —
Удивленью нет конца,
Кошка, выпучив глаза,
Промяукала в сердцах
И не знает что сказать.
Съесть — уже не вариант,
Похвала взяла своё.
Кошка крыске провиант

Собирает, отдаёт.
Корки хлеба, сушки, сыр,
Колбасы кусок несёт,
Плед, застиранный до дыр,
Пусть от холода спасёт.
Крыска снова — реверанс
С пожеланьем долго жить.
Будет громким резонанс,
Что общественность решит?...
Бедной кошке приговор:
Посадили под замок.
На расправу каждый скор,
Только б выдался предлог.
Ну, а кошке — всё равно,
Не жалеет ни о чём,
Смотрит, смотрит всё в окно
И мечтает о своём.
Всё звенят в ушах слова:
«Вы так дивно хороши!» —
На общественность плевать
От кошачьей всей души.
Словом можно исцелить,
Сделать мир чуть-чуть добрей
И захочет разделить
Каждый горстку сухарей.

Сказка о непослушном бельчонке

«Где ты, мой маленький сынок?» —
Рыдала белка у окна.

Лес, посочувствовав, умолк,
Осталась мать совсем одна.
В тарелке стынет вкусный суп,
Его любимая еда,
Вздыхает рядом древний дуб,
С бельчонком, знает он, беда.
Стара история как мир,

Не слушать взрослых — не к добру,
Пёс побежал готовить пир,
Бельчонка тащит в конуру.
Подругу в гости приведёт
И с ней поделится едой,
А белка плачет и зовёт,
Не в силах справиться с бедой.

Что делать? Где теперь искать?
Как сыну милому помочь?
Весь день пыталась разыскать,
Всё бесполезно, скоро ночь.
С утра куда-то убежал,
Совсем не слушался, шалил,
Дуб старый с грустью провожал
И по-отечески бранил.
Но всё напрасно, как всегда
Бельчонок мимо заспешил
И растворился без следа,
Мелькнул хвостом своим в глуши...

Сидит бельчонок в конуре,
Пёс на пороге сторожит,
Дымит картошка в кожуре,
В тарелке горкою лежит.
Бельчонок будет на гарнир,
Пусть мал, но всё ж — деликатес,
Подруге будет скоро пир,
И в отношениях прогресс.
Повоют вместе на луну,

Дуэтом слаженно споют
И ночь отныне не одну
За разговором проведут.
Скрипит калитка во дворе,
Пёс приготовился встречать,
Бельчонок бедный в конуре
Вдруг понял — всё! И закричал...
Как переменчива судьба,
Сидят все трое под луной,
Подругу тронула мольба,
Её чувствительность виной.
Картошку съели на троих,
Повыть не хочется совсем,
Сидят в мечтаниях своих,
Вдыхая запах хризантем.
А поутру тропинкой в лес
Бельчонка к маме повели.
Да, это чудо из чудес,
У белки слёзы так текли!
Их обнимала, причитав,
В объятьях чуть не задушив,
А сына, гневно отчитав,
Тотчас простила от души.
И удивлялся мудрый дуб,
Такое видел в первый раз,
Шуршал под ветром старый чуб
Уже сто раз ведя рассказ.
А наш бельчонок поумнел,

Уже не хочет убегать.
У мамы дома столько дел!
И он ей будет помогать.

Сказка о несчастной девушке

Тропинка вьется вдоль реки,
За берег прячется, спешит.
Зажгли лампадки светлячки,
Им в неизвестность путь лежит.
Спешат, торопятся лететь,
Сгорают, крылья опалив,
Мечтают звёзды посмотреть,
Себя на смерть приговорив.
В воде купается луна.
Как хорошо в тиши одной!
Почти в тумане не видна,
Прикрылась белой пеленой.
Река лениво разлилась,
Всегда спокойна, глубока,
Ворчит, зевает, собралась
Немного выспаться пока.
Зачем куда-то ей спешить?
Всё так прекрасно под луной.
Ночь будет верно сторожить,
Закроет звёздную стеной.
Здесь было тихо, как всегда,
Дни проходили чередой,
Пока однажды вдруг беда
Не потревожила покой.
И опрокинулась луна
И заметались светлячки,
Душа невинная одна
Ушла в ночи на дно реки.
Пришла на берег, чуть жива,
Такая боль в её глазах!
К воде склонилась голова,
Лицо опухшее, в слезах.
Поплыли косы над водой,

Повисла в воздухе печаль.
Нет больше девы молодой,
Река холодная, встречай!
В деревне, где-то за холмом,
Запел залиvisto петух,
Коров в поля, почти бегом,
Торопит заспанный пастух.
Ночь коротка, и он проспал,
Так пели дивно соловьи!
А он давно уже пропал
В сетях хорошенькой швеи.
От безответных, страстных чувств
Совсем покой весь потерял,
Так сердцу хочется безумств,
Но от бессилья пыл увял.
Что он ей может предложить?
Что положить к её ногам?
Одно желанье услужить
И поклоняться как богам?
Жил в старом доме сиротой,
Заботы, ласки он не знал
И вот в полёте за мечтой
Сам не заметил, как пропал,
Как утонул в её глазах
Однажды — раз и навсегда,
В окне увидел он в слезах
С шитьем красавицу тогда.
Принёс фиалок полевых

И положил ей на крыльцо,
В глазах нет света голубых
И безразличное лицо.
Несчастный, бедный пастушок
Совсем надежду потерял,
Пополз в окрестностях слушок,
Что дева та — не идеал.
Что местный барин молодой
Швею уж слишком привечал
И кто-то видел под луной
Как у реки её встречал...
А он повеса ещё тот,
Любитель славно покутить,
Красив и молод, и не жмот,
Ему б романы всё крутить!
Разбито множество сердец,
Дворянки липнут, как на мёд,
Совсем разгневался отец,
Решил — невесту подберёт.
Довольно деньги пропивать,
Отныне будет сын — жених,
Гостей в поместье созывать
Графинь, княгинь спешит одних.
И вот уже он обручён,
Почти что сказочно богат,
Княжна — красавица причём,
Наш барин даже очень рад.
А что швея? Как там она?
Лицо, опухшее от слёз.
Кто здесь рассудит, чья вина,
Что приняла игру всерьёз?
Что так неопытна была
И так наивно-хороша,
Теперь же падшей прослыла,
Погибла светлая душа...
Поёт залиvisto петух,
Рассвет торопится встречать,
У дома девушки пастух
Услышал, кто-то закричал.
Мать дочь несчастную зовёт,

Надежда теплится в глазах,
Но сердце знает — не найдёт,
Душа уже на небесах.
Деревня быстро собралась,
Все стали девушку искать,
Мать как безумная рвалась,
Кто её станет упрекать?
А на реке нашли платок,
Следы нечеткие к воде.
Как оказался мир жесток,
Отвергнул грешную в беде.
И плачет, плачет так пастух!
Как без любимой дальше жить?
А смерть не дремлет на посту,
Мать дочь не сможет пережить.
Вода холодная, как лёд,
Река в волнении спешит,
Покоя больше не найдёт,
Не будет спать уже в тиши.
Русалка здесь теперь живёт,
В деревне слышат все в ночи
Кого-то с берега зовёт,
К утру стихает и молчит.
Ту речку грешной стали звать,
Кому-то смерть она несёт,
Здесь стали часто пропадать,
Кто жизнь несправедно ведёт,
А для кого-то жемчуга
Выносят бережно с волной
И расцветают на лугах
Цветы кувшинки водяной.
А барин местный, ныне князь,
С женой уехал навсегда,
Своим величием гордясь
Отцу поклон шлёт иногда.
В балах и пиршествах живёт,
Не вспоминая ничего,
А в той реке всё ждёт и ждёт
Русалка трепетно его...
Года стремительно летят,

Века уходят чередой,
Преданья старые хранят
Печаль о деве молодой.
Обходят речку стороной,
Здесь нет спасенья, хоть кричи...
Под равнодушною луной
Кого-то ждут опять в ночи.

Сказка о скупом гноме

Жил под горою старый гном
Один, и больше ни души.
Был одержим он серебром,
Им все пещеры заложил.
Трудился ночи напролет,
Ни сна, ни отдыха не знал.
Мысль о богатстве не даёт
Спокойно тратить капитал.
Над сундуками он дрожит,
Боишься деньги потерять.
Он каждый день сюда спешит
Их снова, снова проверять.
В ловушках гору окружил,
Что даже мышь не пробежит.
Свои заклятья наложил,
Чтоб всё надёжно сторожить.
Давно не видел белый свет,
Не знает, что там за горой,
Но, вспоминает он нет-нет
Поля, покрытые травой,
Росу хрустальную в цветах,
Звон колокольчиков в тиши,
Свиданья в розовых кустах,
Где он подругу сторожил.
Её огромные глаза,
Тепло слегка дрожащих рук.
Скупая горькая слеза
Тогда в глазах мелькает вдруг.
Он сделал выбор свой давно,

Всё перевесил капитал,
Но вспоминает всё равно,
Что ей когда-то он шептал.
В такие дни он сам не свой,
Всё как-то валится из рук.
Гном и не мертвый, не живой
Поработил его недуг.
Вот так и жил за годом год,
Всё больше, больше он копил,
Прожил, наверно, лет пятьсот
И не осталось больше сил.
Сидит и плачет в темноте,
Как дальше деньги добывать?
Глаза и руки уж не те
И всё трудней ему вставать...
И наконец-таки, решил
Гном шанс подруге старой дать,
Она добра, и от души
Бесплатно станет помогать.
Собрал котомку гном-старик
И поспешил на белый свет.
Он солнца видеть не привык
И от лучей взял и ослеп.
Чистейший воздух опьянил,
Стоит, не в силах он вздохнуть,

Глаза руками заслонил,
В себя приходит по чуть-чуть.
Гном обомлел от красоты,
Он всё забыл там, под землёй.
Хозяин мрачной пустоты,
Изгой, покинутый семьёй.
Лес у подножия горы
Его встречает, шелестит,
Зовёт кусить свои дары
И дальше, дальше всё манит
Клубники спелой аромат
И танец юных мотыльков.
Гном не пойдёт теперь назад,
Он к новой жизни здесь готов...
Щебечут птицы на заре,
Лес просыпается, шумит,
На нежной бархатной траве
С подругой гном своей сидит.
Поёт далекий водопад,
Мир тонет в сказочных цветах,
Он, как когда-то, очень рад
Свиданью в розовых кустах.
Стучит в висках от счастья кровь,
Она ему сказала: «Да!» —
Что деньги? Тлен. И лишь любовь
Спасает души навсегда.

Сказка об очень бедной лисе

Однажды тёплым зимним днём
Брели два зайца вдоль реки,
Болтали так, о том-о сём...
О днях, что стали нележки,
О том, что нечего поесть
И о прошедших холодах,
Лисе придумывали месть,
Петля в собственных следах.
К деревне дальней подошли,
Залезли в старенький сарай,

Морковку вкусную нашли.
Вот это счастье, просто рай!
Мешок украли и домой,
Как нелегко его тащить!
Но не расстанутся с едой,
Мешок от тяжести трещит.
Морковка сыпется на снег,
Мешок пустеет на глазах.
Им не собрать её вовек
И зайцы бедные в слезах.
Вот только-только повезло —
И всё, страдания опять.
Зачем судьба им всем назло?
Тут бедным зайцам не понять.
Да ещё новая напасть:
Вдали увидели лису,
Скорей бежать, чтоб не пропасть,
А то и ног не унесут.
Хрустит подтаявший снежок,
Несутся зайцы во всю прыть,
Следов извилистый стежок
На белом поле им не скрыть.
Лиса чуть медлит — видит цель,
Вдали мелькают два хвоста,
Всё ближе к лесу — и за ель,
Но и лиса не так проста.
Морковку видит на снегу,
А, значит, зайцев надо ждать,
Те никуда не убегут,
Не будут долго там блуждать...
Смеркалось, вечер наступил,
На небо выплыла луна,
Лиса волнуется, нет сил,
Устала ждать, сидит одна.
Мороз крепчает, мёрзнет нос,
На шубке капли изо льда.
«Где зайцы?» — мучает вопрос.
Куда ушла её еда?
Морковка кучкою лежит,
Хоть забирай и уноси,

Никто из зайцев не бежит,
Ну, где они? Кого спросить?
Совсем промёрзла до утра,
Всё, зайцы, вам придёт конец!
Лиса вздыхает, ей пора.
Так мёрзнуть может лишь глупец.
Вдоль речки, грустная, пошла,
Ступая лапами по льду.
Ещё немного — и нашла
Она тех зайцев на беду.
Их было столько, что не счесть
На повороте за холмом.
Желанье кончилось их съесть
И не появится потом.
Лису поймали, окружив,
Избили, а потом в мешок
И понесли, его зашив,
Под злобный тоненький смешок.
В деревне бросили в сарай
И убежали во всю прыть,
Им за морковкою пора,
Снег может быстро её скрыть.
И будут долго пировать,
В лесу веселье, шум и смех,
Лису растяпой называть,
Всем вскружит головы успех.
А что лиса? Что стало с ней?
В сарае, бедная, лежит,
Уже прошло немало дней,
А в доме рядом — ни души.
Закрыли зайчики сарай
Надёжно, прочно, на засов.
Лежи лиса и умирай,
Считай остатки дней, часов...
Мир бессердечен и жесток
И кто один — тот обречён,
Найти — удача — уголок
С надёжным дружеским плечом.
И даже если ты зубаст,
А где-то страшен и когтист,

Звериный выжить мир не даст
Везде есть зайцы, не спастись...

Сказка про зайцев

На зелёной солнечной лужайке,
Ягод спелых в тишине вкусив,
Веселились, кувыркались зайки,
Их росой хрустальной запив.
Толстые шмели жужжат, летая,
Опьянев от ароматных трав.
В пёстром разноцветье пропадая,
Колыбель свою здесь отыскав.
День быть очень жарким обещался,
Не видать на небе облаков.
Зной по лесу тихо разливался,
Не оставив влаги островков.
Расшумелись зайки, разыгрались,
Осторожность напрочь позабыв.
И в лесу гуляя, потерялись,
В прятки разбежаться поспешив.
Если бы прислушивались к старшим,
Если б только шкурки берегли.
Наш рассказ

не получился б страшным.

Ей сказал, смахнув слезу из глаз...
Шёл он долго лесом по тропинкам,
Продирался в чащах напролом.
До крови разодранная спинка,
Всю поранил острый бурелом.
К вечеру почти дошёл до цели,
Вот он замок — виден в полутьме.
Только б продержаться там сумели,
Верили в него в своей тюрьме.
Никогда отец детей не бросит,
Он за ними даже в ад пойдёт.
Не накажет, лишнего не спросит,
Жизнь отдаст, но зайчиков найдёт.
Небо в одночасье почернело.
Мрачный замок засверкал огнём,
Но до колдовства ему нет дела,
Там малышки думают о нём.
Под покровом ночи он добрался
До расщелин в стенах вековых,
Вглубь нырнул, прополз и оказался
Среди деток маленьких живых.
Плакали, прижавшись к папе дети,
Ты нас только с мамой всех прости!
Нам сказали, завтра на рассвете
Всех должны нас в жертву принести.
Но ты рядом —

больше нам не страшно,

Папа не позволит умереть.
Как же в нашей жизни это важно
Пап таких зайчатам всем иметь!
Заяц осмотрелся понемножку,
Стены чёрным мохом поросли,
С потолка по ним бегут дорожки
Тёмных вод, что щели здесь нашли.
Склизкий пол морозит больно ноги,
Холод пробирает до костей
И цепей остатки на пороге
У закрытых намертво дверей.
Заяц призадумался немного,
Времени всё меньше до утра.

Надо поспешить, а то дневного
Света не увидит детвора.
Он то ладно, всё ж пожил на свете
И успел здесь много повидать,
Но отец за малышей в ответе.
Разве сможет их сейчас предать?
Гладит заяц деток по головке,
Им уже спокойней, не дрожат.
Надо всем заняться подготовкой
И к утру отсюда убежать.
Ту лазейку, что нашёл снаружи,
Завалило камнем и песком
Выход им другой отсюда нужен,
Чтоб пробраться тихо всем тайком.
Начал заяц цепью рыть под дверью,
Шкурку всю поранил, лапы в кровь,
Но упрямо шепчет: «сможем, верю!»
Вот что значит папина любовь.
Час за часом — ох как быстро мчится!
Заяц роет, нету больше сил.
Только б на свободе очутиться
«Господи, спаси нас!» — он просил.
Наконец, совсем на издыханье,
Он в своём тоннеле видит свет.
И, почти теряющий сознание,
Мыслью о спасении согрет.
Чуть живые зайки вылезали,
Но их ждал ещё один удар,
Оказались все в огромном зале,
В окруженьи чьих-то злобных чар.
Чёрный зал в багровом свете тонет,
В отраженьи тысячи огней.
Ветер их колышет пламя, стонет,
Раздувая в ярости сильней.
В центре зала — чаша ледяная,
Синим блеском призрачным горит,
А над ней фигура неземная,
Вся из мрака соткана, парит.
Шёпот злобный слышится от чаши,
Зло крепчает, льется через край.

Заячьи сердца стучат всё чаще,
Хоть ложись — и тут же помирай.
«Не увижу смерти я детишек!» —
Заяц бедный бросился вперёд.
Не помог, не спас я ребятишек,
Зло меня пусть первым заберет.
Сжались кучкой маленькие зайки,
Плакать уже больше нету сил.
Всё, прощайте лес, цветы, лужайки,
Мама, ну а папа нас простил.
Лапками прикрыли зайки глазки,
Так не будет страшно умирать.
Может, как читала мама в сказке,
Будем скоро звёздами играть...
Вдруг раздался треск и грохот в зале,
А за ним — такой протяжный вой!
И в каком-то дьявольском оскале
Кто-то пролетел над головой.
Зайки смотрят и не верят в чудо.
Может быть, они уже в раю?
Видят дети в зале, что повсюду
Свет волшебный ангелы здесь льют
Из кувшинов в розовом сиянье
Льются паутинкою лучи
Канул мрак, закончилось страданье,
Край несчастный мир свой получил.
Лишь осколки чаши в центре зала —
Им напоминание о зле.
Да, судьба жестоко испытала,
В душах навсегда оставив след.
Ну а наш герой — отважный зая,
Он не лавров, почестей искал.
На погибель шёл, детей спасая
И за подвиг это не считал.
Бросился в отчаяньи на чашу,
На осколки мелкие разбил.
Сам не зная, спас он землю нашу,
Ту, что мрак давно поработил.
Эта чаша зло в себе хранила,
С кровью жертв сильнее день ото дня.

Сколько душ несчастных полонила,
Заковав во льду среди огня...
Шли неспешно заяц и детишки,
Дома ждёт давно зайчиха-мать.
Папа, мы теперь полюбим книжки
И всегда вам будем помогать.
Повзрослели зайки в одночасье,
Жизнь преподнесла им всем урок.
Жаль, что только поздно очень часто
Узнаем, что мир у нас жесток.
Наша сказка кончилась счастливо
Зайцы целы, зло побеждено.
Рассказала вам, как есть, правдиво
Обо всём, случившимся давно.
Пусть здоровы будут наши дети,
Пусть сияет солнышко для всех
И пускай отныне на планете
Будем слышать их счастливый смех!

Страшный сон

На далёкой маленькой планете
Было всё не так, как на земле
В тёмно-жёлтом ядовитом свете
Облака тонули как в желе.
Вываться, барахтаясь, пытались,
Вверх стремились из последних сил
И кровавым ливнем проливались,
Что с собою ужас приносил.
И текли по склонам мрачно-чёрным,
Закипая огненной бедой,
Реки крови к землям удалённым,
Что питались жертвенной водой.
На планете люди там водились,
Обитали кланами в горах,
Поедали ближнего, молились,
Размножались в узких тех кругах,
По ночам в пещерах своих выли,
Горы эхом вторили, крича,
Одним словом — все дебилы были

И бродили, что-то бормоча.
Пожалеть их можно, сострадаая,
Им не снилось по-иному жить
Под кровавым ливнем пропадая,
Только остаётся выть да выть.
Далеко от гор в долинах тёмных
Были небольшие города,
В окнах зданий, вечно затемнённых,
Появлялись тени иногда,
Свет сюда не падал ядовитый,
Города под куполом живут,
Он трещит, весь вязкостью залитый,
И его однажды не спасут.
Чистят купол люди всё быстрее,
Здесь их держат как домашний скот,
Погоняет палками: «Шустрее!» —
Их огромный полосатый кот.
Лапой твёрдой всеми управляет,
На ладони — с птицею тату,
Он свою работу чётко знает,
Раздавая палки на лету.
Да, вы не ослышались, всё верно
Здесь коты с собаками живут,
Люди на цепях сидят примерно
И дома хозяев стерегут.
Кошки все — почти что домоседки,
В основном собаки у руля,
В управленье киски очень редки,
Больше любят просто погулять.
На прохожих лают злобно люди:
Надо лучше кисок сторожить,
В благодарность на хозяйском блюде
Им кусочек могут отложить.

Их на поводках выводят киски
Вечерами в город погулять,
А вернувшись в дом,
у старой миски
Слёз горячих больше не унять.
Но однажды всё в пучине сгинет:
Купол треснул, улицы плывут,
Жизнь планету странную покинет
Все живые смерть свою найдут.
Полетит куда-то, догорая,
И исчезнет в мраке навсегда
Грешная планета. Умирая,
Не оставит в вечности следа...
Зазвенел будильник утром ранним
Я проснулась в ужасе, в поту
За окном, в спокойствии бескрайнем,
Что-то пели птицы на лету.
Лёгкий ветер облачком играет
Как пушинку гонит, разрезваясь,
Новый день печали все стирает,
Солнечной улыбкой поделаясь.
Полосатый кот в углу свернулся
Я его покушать позову,
Сном кошмарным ужас обернулся.
Господи! Спасибо что живу!
Смотрит кот, как будто что-то знает,
Словно сон смотрели на двоих,
Недовольно щурится, зевает
Весь в раздумьях значимых своих.
Я ему отрезала сосиску
Он её хватает на лету
Отправляет элегантно в миску,
А на лапе — с птицею тату...

*Авторы рисунков — студентки 4 курса ВГИК, факультет анимации:
Леонченко Анна, Зуйкова Ксения, Гусарова Ирина, Князева Ольга.*